

Тот объятия, хоть и были спонтанным порывом в минуту крайней необходимости, нельзя было отрицать: держать в объятиях Гу Хуайцина было приятно. Его стройное и подтянутое тело, гибкая и тонкая талия, а особенно лёгкий сосновый аромат, исходящий от него, окутывал сознание, вызывая чувство опьянения.

Гу Хуайцин вырвался, опустил голову, поправляя растрёпанный воротник. Несколько непослушных прядей соскользнули на виски, обнажив белоснежную шею и округлые мочки ушей.

Лунный свет, струившийся по его плечам, выхватывал из темноты глубокие глаза, безупречное лицо и изысканный профиль — красота, от которой захватывало дух.

Сердце Дуань Минчэня пропустило несколько ударов, а в голове возникла странная мысль: если облик Драгоценной наложницы Нин во дворце и впрямь схож с его чертами, то неудивительно, что император столь её любит. Какой мужчина устоит перед такой красотой?

Гу Хуайцин, совершенно не замечая бурных фантазий Дуань Минчэня, быстро привёл себя в порядок и вдруг, словно что-то вспомнив, резко поднял голову:

— Управляющий пошёл на восток, верно?

Дуань Минчэнь, погружённый в свои мысли, был застигнут врасплох, и его лицо слегка покраснело. Что за нелепые мысли лезут в голову? Восхищаться мужчиной... нет, даже не мужчиной в полном смысле! Может, и правда пора обзавестись женой?

Собравшись, он наконец указал на узкую дорожку:

— Да... верно, он пошёл по этой тропе на восток.

Гу Хуайцин нахмурился:

— Странно. Эта тропа ведёт только к восточному крылу, где живёт наложница Цзян. Зачем управляющему туда в такой поздний час?

— Может, обходит владения? Проверяет охрану?

— В доме Шэнь столько слуг, когда это стало обязанностью управляющего? Тут что-то не так!
— Гу Хуайцин дёрнул Дуань Минчэня за рукав. — Пойдём, посмотрим!

Дуань Минчэнь подумал и кивнул. В конце концов, они пришли в дом Шэнь, чтобы тайно встретиться с ключевыми фигурами. Почему бы не начать с наложницы Цзян?

За время расследования Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин уже хорошо изучили планировку дома Шэнь. Обычно Шэнь Цзюньжу и Се Хуэйлань жили в главном доме, западное крыло занимала дочь Шэнь, а восточное — наложница Цзян.

Под покровом ночи они незаметно пробрались в восточное крыло. Вдалеке, в спальне наложницы Цзян, теплился слабый огонёк.

Гу Хуайцин, едва касаясь земли носками, взметнулся на крышу и бесшумно приземлился на черепицу. Его движения были столь же легки и грациозны, как полёт птицы.

Дуань Минчэнь с восхищением наблюдал. Одною прыжка хватило, чтобы понять: мастерство Гу Хуайцина в циньгун принадлежит к уровню лучших в мире. Однако Дуань Минчэнь ему не уступал. Он тоже взлетел, подобно расправляющей крылья летучей мыши, бесшумно слившись с ночной тьмой. Даже шёлот одежды не нарушил тишины, а при приземлении не поднялось ни пылинки.

Его стиль был менее эффектен, чем у Гу Хуайцина, но куда более практичен — явная заслуга многолетнего опыта. Гу Хуайцин не мог не восхититься.

Они пригнулись на крыше. Дуань Минчэнь осторожно приподнял черепицу, и внутрь проник слабый свет. Гу Хуайцин, подтянувшись, присоединился к наблюдению.

Комната наложницы Цзян выглядела беспорядочно: украшения и одежда были разбросаны повсюду. Неудивительно: муж недавно умер, сына арестовали — ей было не до порядка.

Наложница Цзян сидела на краю кровати с покрасневшими глазами, без конца вздыхала и утирала слёзы.

— Не стоит так волноваться. Раз господин погиб не от руки Юйчжу, Гвардия в парчовых халатах и Восточная Ограда не станут несправедливо обвинять его. Может, через несколько дней он и вернётся, — утешал её управляющий Чжун, но в его тоне сквозила неуверенность. Видно, он и сам сомневался, вернётся ли Шэнь Юйчжу домой невредимым.

— Что ты несёшь?! — вдруг взорвалась наложница Цзян, схватив вышитую подушку и швырнув её в управляющего.

Чжун уклонился и с досадой произнёс:

— Зачем на меня злиться? Разве это моя вина?

Наложница Цзян, бросив подушку, вдруг закрыла лицо руками и зарыдала:

— Как не твоя? Если бы ты тогда не уговорил меня соблазнить господина, пока жена его была беременна, чтобы он принял нашего сына за своего, разве оказались бы мы в такой беде? Я уже носила твоего ребёнка, месяц срок был, а ты заставил меня идти к нему в услужение!

Помнишь, что клялся мне тогда? Говорил, что всегда будешь обо мне заботиться, что обеспечишь меня с ребёнком. И что в итоге? Все эти годы я жила в постоянном страхе, каждый день боялась, что господин узнает: Юйчжу — не его сын! Как же я жалею... Если бы мы тогда поженились, жили бы втроём, счастливо и мирно...

А теперь господин мёртв, Юйчжу брошен в тюрьму Чжаоюй. Стоит лишь подумать, какие муки он терпит, сердце моё... будто ножом режут!

Наложница Цзян, всё больше погружаясь в отчаяние, повалилась на кровать, уткнувшись лицом в одеяло.

Управляющий Чжун вздохнул, подошёл, приподнял её и усадил, давая опереться на себя.

— Все клятвы, что давал тебе, помню. Ни на день не забывал. Жужу, нельзя смотреть только под ноги, нужно думать о будущем. Будь Юйчжу сыном слуг, он так бы и остался на побегушках у господ, судьба его была бы предрешена.

Он нежно погладил её по плечу, продолжая:

— Но теперь он — сын первого министра Шэня. Всё иначе. С самого рождения ему уготована жизнь в роскоши. Мать знатна благодаря сыну, и твой статус обеспечен. А я всегда буду рядом, в тени, охраняя вас. Теперь, когда господин умер, Юйчжу — единственный наследник. Он законно унаследует всё состояние. Разве не хорошо это?

Наложница Цзян, женщина несамостоятельная, немного успокоилась от его слов. Вытерев слёзы платком, она прошептала:

— План твой хорош, да только если Юйчжу оправдают и выпустят из тюрьмы!

Управляющий кивнул:

— Знаю. Уже послал человека в тюрьму Чжаоюй, чтобы узнать новости. А с господином Дуанем и господином Гу, что ведут дело, тоже постараюсь договориться.

Наложница Цзян беспокойно спросила:

— Гвардия в парчовых халатах и Восточная Ограда — не те, кого проведёшь. Особенно господин Гу, ведь Юйчжу его обидел. Боюсь, как бы он не воспользовался положением, чтобы отомстить. Ты уверен, что справишься?

Управляющий, желая выглядеть перед своей женщиной уверенным, похлопал себя по груди:

— Что бы он там из себя ни строил — всего лишь евнух. А такие евнухи всегда алчны до денег! За эти годы мы кое-что скопили. Не пожалеем средств — всё уладим.

Наложница Цзян, поверив его словам, успокоилась. Взгляд её смягчился, она прижалась к управляющему. Тот обнял её, и они естественно слились в объятиях...

Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин, подавляя странное чувство, стали невольными зрителями сцены измены наложницы и управляющего.

Двадцать лет первый министр Шэнь носил рога, воспитывая чужого сына. Узнай он об этом в мире ином, не вылез бы ли из гроба, чтобы поквитаться с этой парочкой?

Гу Хуайцин внутренне кипел. «Всего лишь евнух!» «Всегда алчны до денег!» Как они смеют так его презирать? Этим изменникам спуску не дать!

Управляющий, видимо, боясь лишних глаз, вскоре утешил наложницу Цзян и поспешил удалиться.

Убедившись, что больше выудить нечего, Дуань Минчэнь дал знак Гу Хуайцину. Они один за другим спрыгнули с крыши и покинули восточное крыло.

Пройдя по коридору, они оказались у главного двора, где жила госпожа Шэнь.

Странно: едва они приблизились, как изнутри донёсся приглушённый звук. Звук был высоким, протяжным, витал в ночной тишине, наводя жуть.

А если вспомнить, что Шэнь Цзюньжу недавно умер здесь при загадочных обстоятельствах, и вовсе становилось не по себе.

<http://bllate.org/book/16283/1466704>